

“Пятый элемент” вдохновения

“Мир всем!” в Музее современного искусства

Кудьтура-
2001-15-21
нояб. - с.8

Слева: Е.Волкова. “Друзья”. 1990 г. Справа: “Сибирская красавица”. 1975 г.

18.
Работы Елены Волковой и Владимира Зазнобина, представителей примитивизма, можно увидеть в Музее современного искусства. Уместно вспомнить, что еще на заре прошлого века Пикассо вдохновлялся неподражаемо искренними примитивами Анри Руссо, а мощным импульсом для русского авангарда стали полотна никому дотеле не известного грузинского вывесочника Нико Пиросмани. Кстати, и первым коллекционером произведений Елены Волковой еще в 50-х годах стал основатель украинского авангарда, сподвижник Малевича Василий Ермилов.

Тем не менее весь XX век русский наив прожил, как бы варясь в собственном соку. Лишь ближе к рубежу 70 – 80-х годов специалисты начали рассматривать его как особый феномен, бережно отбирать на выставки и коллекционировать. Наконец, в наше время наив стал полноправным составным арт-процесса.

Для выставки в Музее современного искусства куратор Виталий Пацюков, искусствовед, десятилетиями работавший со многими “наивными” творцами, избрал Волкову и Зазнобина. Живопись первой и скульптура второго – толком не живопись со скульптурой. Рамок этих определений им мало. Картины ли эти частицы жизни, материализованные видения? Скульптуры ли эти одереветневшие персонажи и годные в хозяйстве вещи (скворечники, например)? Да и как вообще квалифицировать искусство, способное превратить музейный интерьер в некую проекцию сказки, в ожившую мечту? Зритель, пусть даже самый пресыщенный и скептический, именно на таких вещах убеждается, что тайна дара и мощь земли и есть те “пятые элементы”, которых нипочем не вычтешь из магии творчества. Ведь подлинный “наив” – это искусство, тождественное самой природе, кото-

рое не столько создает, сколько живут и дышат им.

86-летняя Елена Андреевна Волкова родилась в Чугуеве, на родине Репина, который, в свою очередь, молодым прошел становление под воздействием местных иконописцев, тоже художников вполне “наивных”. Страшные коллизии XX века, трагические полосы жизни – смерть мужа, болезни – ее творчества не затронули совершенно. Волкова как будто с самого начала дано было сполна прочувствовать единство, радость и гармонию мира земного. Как мира божьего. Навсегда преобразившего собственный внутренний мир и сразу определившего “лик” ее живописи. Светоносная, мерцающая поверхность уже сама по себе сообщает зрителю о чуде. Описывать картины Волковой в искусствоведческой терминологии немислимо. Хочется оперировать уменьшительными. Лев,

умилительно обнявшийся с зайчиком, волк, весь в цветочках, лошадка “в Серебряном Бору”, – и это отнюдь не “искусство для детей”, не иллюстрации к сказкам. Говорить об этих картинах как о живых – конечно, метафора, но они действительно “работают”. Неизвестно как: Елена Андреевна рассказывает, что пишет картину до тех пор, пока изображенное существо само не начнет смотреть. Рецепта нет, ибо повторить этот прием невозможно – каждый раз приходится изобретать заново. Глаза у зверушек и вправду “наши”. Добро от них исходит на уровне почти физического.

Владимир Зазнобин, ушедший из жизни двадцать лет назад, – буквально ровесник века: он родился в 1900 году. Практически всю жизнь он прожил в деревне Горки Ярославской области, недалеко от Переславля. Плотник по профессии, он в работе не разделял прак-

тику с эстетикой, пользу с красотой. Знал бы он, насколько этот лозунг совпадал с требованиями самых радикальных авангардистов начала столетия, со многими из которых он был почти одного возраста! “Его ветряки с лопастями-крыльями превращались в крестьян, машущих руками в согласии с порывами и направлениями ветра. Его деревянные механизмы двигались, лошади скакали, мастерицы пряли пряжу – весь мир наделялся божественной полезностью, и его двигателем была красота”, – описывает Пацюков объекты, которых на выставке нет. То, что есть, “работает”, как и волковские полотна, зрителя убеждает безусловно. Это их и роднит в первую очередь. Но деревянные группы Зазнобина сработаны нарочито топорно (что тоже буквально, то есть топором). Фигуры похожи одна на другую, как близнецы, как знаки семейства, рода, причем все они сохраняют “происхождение” из куска дерева –

и брутальную фактуру, и геометрию бруска. И генеалогия этих образов иная, чем у рафинированно выписанных Волковой, – от иконописи, русской средневековой пластики, деревянной скульптуры примитивных народов (а “примитивный”, надо напомнить, с латыни означает “первоначальный”).

Но главное – у обоих художников один миф. Вечность, которую возможно постичь в образах. Сказка об утерянном времени. Спеленатое на заре времен в своей колыбели человечество в безмятежном неведении. Золотой век, от которого мы движемся прочь все дальше... Я так сначала и прочел название выставки, воспроизводящее надпись от руки на одноименной картине Елены Волковой, – “Миф всем!”. Оказалось же все гораздо проще, как тому и подобает быть.

Сергей ПОПОВ